

Глава 16

В Кастилии, бесконечно...

*Полное одиночество
по плоскогорью Кастилии
проходит ревущий поезд*

Я думал, что все знаю о дороге, ее булыжниках, ее пыли, ее низком небе, дожде, холоде, пекле, усталости, неудобстве, сомнениях.... также энтузиазме, восторге, радости... Это было раньше, до Кастилии. Мы были в Кастилии, начиная с Бургоса, то есть уже три дня, как мы идём по ней, а не дошли еще и до середины этого поразительного пространства необъятности, плоскости, полного одиночества, где глаз теряется в небытии, как река в песке пустыни. Нечего смотреть, нечего сказать, нечего чувствовать, все нужно вновь прочувствовать. Здесь взгляд, слово, чувства поворачивают к внешнему миру разум и душу, между ними начинается предельно искренний диалог. Сердце отбивает ритм пустоты, которую оно неустанно отбрасывает обратно, как бесконечное отражение неба; разум, видя, как пустыня неумолимо уменьшается, отрекается и умолкает; а душа остается в подвешенном состоянии предельной бережливости, где ей достаточно чувства существования. Отважусь ли я признаться, что, несмотря на полученное нерадостное представление, я буду обожать эту

На Месете, бесконечно...

опасную переправу? Дождь, плохая погода, которые были нашей повседневной участью, ничего не меняют в деле, и я знаю, что жаркая летняя погода августа месяца или морозные дни декабря тоже ничего не смогут с этим сделать.

Облаченный в это монашеское одеяние забвения, я прошел две сотни километров обширного плоскогорья Месеты; не без некоторого утешения; например, в монастыре францисканских сестер Каррион-де-лос-Кондес или, после того, как Гастон и я нашли Филиппа, Тьерри и, вопреки всем ожиданиям, Марию Клавдию, я спал в натопленной комнате под вышитыми одеялами; или в Террадилльос-де-лос-Темплиариос, где после сильных кастильских ветров, мы обнаружили общий зал с гостеприимно гудящей печью; или еще в этой огромной гостинице в Саагуне, где я встретился с Жаком, моим старым товарищем по странствиям, еще с Ле Пюи, и с Синдзи, новым японским другом, который, вооружившись своей палкой айкидо, идет по дороге с достоинством самурая.

Остается знаменитый этап, чтобы на этом закончить с Кастилией. 26 октября я предлагаю себе пройти от Санагуна до Мансилии-де-лас-Мулас. Тридцать восемь километров. Никогда я столько не проходил. Я мог бы разделить этап на два, но я чувствую себя в очень хорошей форме, и мне хочется увидеть, что это такое – приблизиться к сорока километрам. Из двух возможных маршрутов, я выбрал Эль-Бургос-Ранеро. Под яркой полной луной и миллиардами звезд, я тронулся в путь. Они поменялись за две последние недели, когда погода была скверной. Это далеко, тридцать восемь километров. Это далеко... Особенно, когда поверхность земли настолько лишена растительности и безгранична, что, как это внушает мой путеводитель, от этого чувствуешь ее кривизну. Тем не менее, я замечаю несколько заснеженных вершин справа от меня, очень далеко, в Кантабрике. Я один на этом бесконечном пути, прямом

расстоянии из белого гравия, которое вереница из желтых платанов делит на бесчисленные отрезки по девять метров каждый, где мои шаги отпечатываются как ноты монотонной и назойливой музыки. Станный речитатив, охватывающий бьющееся сердце. Железная дорога разрезает Камино по всему плоскогорью. Некоторые поезда, возникающие из небытия, громкими гудками приветствуют паломника, хрупкое существо посреди всего этого излишества. Две или три пустынные деревушки, по центральным улицам которых я прохожу, Калле Майор или Калле Реаль – Главная улица или Королевская улица, не побоимся этого слова. Иногда лавочка, дорожный знак, столик, крест: есть куда положить рюкзак, до того как опять начнется навязчивая музыка шагов. По вечерам, в гостинице, взор затуманен, тела обессилены, иногда до чрезвычайности, но дух витает над земным и остается безмятежным, все еще пропитанный чарующими горизонтами.

На следующее утро: Врум... врум... врум... врум... Возврат к современной жизни, большая дорога и вход в город. Резкий контраст после нескольких дней всеобъемлющей поэзии. Новая встреча со скоростью, которая порождает шум, испорченный воздух, опасность; небольшая остановка до того, как войти в большой город, с его шедеврами и его заблуждениями. Леон, последний солидный ориентир перед Сен-Жак-де-Компостель. Прибытие в Леон впечатляет. Нет большого прямолинейного проспекта, как в Бургосе, а есть извилистая дорога, которая проходит по неизбежным индустриальным зонам, где преобладают огромные и напыщенные рекламные щиты. Потом дорога переходит в пригород и проникает в жилые кварталы, внешний вид которых, кажется, колеблется между городом и деревней. Широкие улицы ведут нас к круглым площадям, к фонтанам и, наконец, к историческим кварталам, собор одного из них, бесспорно, является центром. Тогда все озаряется.

Маленькие улицы сходятся и расходятся, выставляя напоказ свои изысканные фасады. Ракушки из стилизованной бронзы, отпечатанные в асфальте, ведут шаги паломника вопреки его воле, на площадь собора. Собора, который всех нас заманил в свои сети, без нашего на то ведома. Об этом можно бы говорить в прямом смысле, с таким изяществом вырезан камень. Сначала взгляд рыщет, не зная, в самом деле, на чем остановиться в этом огромном четырехугольнике, где он господствует в своей белизне. Площадь вымощена минеральными плитами, скамейки, на правой стороне площади – бронзовая скульптура, представляющая ученика и его отца, другая скульптура менее понятна. Потом возвращение к этим трем гигантским стрельчатым воротам, украшенным скульптурами вплоть до самых скрытых мест. Две башни, фасад, круглый витраж, я не могу помешать себе думать, что ничего лучше не построили за последние две тысячи лет; действительно, в Леоне, как и во многих других городах, именно собор удерживает пальму первенства по красоте, что обеспечивает приток посетителей и туристов, которые неизбежно сходятся к нему. У этого внешнего видения с расстоянием, которое позволяет оценить его красоту, благодаря необъятности открытого места, есть что-то завораживающее, когда ты выходишь на площадь с узких улочек. Но, чтобы лучше понять это величественное место христианского искусства, нужно войти внутрь. Под головокружительными сводами можно бесконечно восторгаться алтарем, нишами для гроба, надгробными памятниками в виде лежащих фигур, каменными кружевами, где мосарабское влияние выражается наиболее изысканно, в многодольчатых арках, например... Но самое важное в другом. Оно в свете, просачивающемся через сотни витражей, круглый вырез в двери, круглые окна. Эта красочная атмосфера, такая светлая, легкая и вся метафизика, которая вас обволакивает и переносит в новый

мир, кажется мне совершенно неподражаемой во всех соборах христианства. Счастье сидеть на этой скамейке и позволить миру чудесного захватить тебя. Я бродил от колонн к часовням, от алтаря к изображениям, а чаще всего, замирал, задрав голову к гигантскому калейдоскопу витражей.

Леон изобилует сокровищами; город, который ими усеян, сам по себе очень красив. Величественные проспекты пересекаются на широких, ухоженных, круглых площадях, некоторые – на игровых площадках для детей, другие у фонтанов. Если готика собора очаровывала, то церковь Сан Исидоро, в романском стиле, поражает. Круглая арка, светотень, таинственность; здесь свежа еще память о Сиде (77), который женился здесь на Химене. Но еще один важный сюрприз ждал меня в Леоне. Еще до моего отправления в паломнический путь, мне сказали, что в этом городе был великолепный Парадор (78), и, не зная, что он из себя представлял в действительности, я тогда решил, что если я дойду до сюда, что представляло уже, по меньшей мере, 1600 километров пути, то я буду иметь полное право на день отдыха, либо две ночи в этом очень роскошном заведении. По прибытии в Леон, едва бросив взгляд на собор, я приступил к поискам гостиницы Сан Маркос. Вскоре я нашел одноименный проспект, который вдруг выходил на широкое открытое место, которое как будто подпрыгивало пятьюдесятью маленькими фонтанами, бьющими из земли на полметра в высоту, каждый был установлен в каменном двухметровом квадрате, геометрически распределенных в шашечном порядке по всей площади. В центре – очень древний крест на цилиндрической колонне, и основание с несколькими ступенями. На нем – сидящий уставший паломник из бронзы, с босыми ногами и ботинками, стоящими рядом с ним; в глубине – огромная постройка из белого камня, высеченный фасад

которой украшен гербами и облагорожен десятками каменных и бронзовых медальонов (79) на барельефе, содержащих в себе гораздо больше от соборного искусства, чем от современной гостиницы. На мгновение я подумал, что ошибся. Возможно ли, что комната, которую я заказал по телефону по прибытию, находится в столь благородном заведении? Но на этом сюрпризы не закончились, так как интерьер ни в чем не уступал внешнему виду по части красоты и богатства. В своем огороженном пространстве, постройка включала обширный монастырь с несколькими этажами галерей, в нижней из которых был создан музей каменных скульптур, там соседствовали римские саркофаги и религиозная скульптура. Она включала также церковь больших размеров. Кроме того, коридоры, залы и комнаты заполняли старинная мебель и многочисленные произведения искусства.

Когда я предстал в бюро администрации с моим рюкзаком, моим посохом, лохматый и весь в грязи от хождения по грязным дорогам, я чувствовал себя не очень непринужденно. Но моя нерешительность исчезла, когда администратор принял меня не только как клиента, но и как паломника, которого заведение, наследник жаккарских многовековых традиций, уважать считало долгом чести. Это было воистину так, поскольку мне официально сделали «скидку паломника». Необходимо напомнить, что с XVI века Сан Маркос служил госпиталем для ходоков в Компостель.

Одна только комната, которую мне предоставили, и в которую меня проводил лакей в ливрее, имела площадь большую, чем средняя испанская гостиница. Это надо вам сказать пространство, которым я наслаждался, несмотря на широту кровати и избыточное скопление мебели, которая там находилась. Сверх того, она не была из второразрядных комнат, но наоборот, меблирована настоящей старинной мебелью,

безупречной фактуры, и, что придавало ей стиля, так это то, что мебель безупречно сочеталась между собой и с убранством комнаты. Два окна выходили на открытое место с бьющими фонтанами, по которому я прошел по приходу в гостиницу. Я расположился в настоящем дворце. И мое пребывание в нем остается большим необычным событием на моем пути.

Между Леоном и Асторга, Камино не представляет большого интереса; кроме Госпиталя Орбиго – Ospital de Орбиго, – где я остался на ночь, и который в своё время послужил сценой для одной любопытной истории. Это произошло в XV веке. В то время, когда в ходу была галантная любовь, рыцарь, гордый этим званием, должен был иметь смелость рисковать своей жизнью ради дамы. Дон Суэро-де-Киньонес признался в своих чувствах Леоноре де Тобар, но получил отказ. Тогда он сам себя признал пленником этой дамы и дал ей об этом знать, «приложив железо к горлу в знак рабства». Чтобы смыть оскорбление, которое он претерпел, Дон Суэро решил бросить вызов всем рыцарям, которые хотели бы пройти по длинному каменному мосту, который был сооружен через Орбиго. Поединки начались 10 июля 1434 года. Каждый рыцарь, который намеревался пройти по мосту, должен был согласиться драться, чтобы заслужить «*paso honroso*» (80). Через месяц Дон Суэро и его девять компаньонов победили шестьдесят восемь противников и были сломаны 300 пик. «Я должен сказать, что тот, кто отрицает этот факт, безумен», писал по этому поводу Сервантес.

Закончив со своим вызовом, леонский рыцарь отправился паломником в Сантьяго, где в память о своих великих делах, он подарил ожерелье из золота и серебра, которое и сегодня носит статуя святого Иакова Младшего (81), и которое я видел своими собственными глазами в соборе. Сам мост тоже хранит память

об этой истории, с десятью именами рыцарей-победителей, выгравированных в камне.

Асторга не лишен интереса. Это впечатляющий город. Гораздо больше, чем я представлял, с красивой площадью, римскими развалинами и представительным собором, который, к сожалению, находится на реставрации, и нельзя его посетить, и безумный дворец Гауди, которым я восхищался впопыхах, практически на бегу, так как он должен был закрываться. Гостиница переполнена, так как мы попали на выходные, в которые отмечался праздник Всех Святых. Во Франции его празднуют три дня, но в Испании – четыре, потому что в этой стране, что касается праздников, то не упускают случая их увеличить. Мы, паломники, которые пришли издалека, не очень ценим это внезапное появление избыточного количества путников на выходные, мало пропитанных духом дороги. Немного терпения, и скоро мы останемся наедине со своими.

Сегодня воскресенье. Этим вечером, в Рабанале дель Камино, мы присутствовали на семичасовой вечерне, что было для нас необычно. Старая церковь немного невзрачная, с пыльным алтарем, с вышедшей из моды молельней. Три священника: один в цветной ризе, два других – в белых одеждах, приступили к церемониальному действию. Бесконечное исполнение псалмов на латинском, спетых а капелла, по грегорианской моде. Красивые голоса и красивые интонации... с высокими и низкими голосами. Церемония прежних времен, во время которой целые части латинских текстов всплывали у меня в памяти, до такой степени явственно, что я даже был способен их спеть. Очевидно, это восходило к временам колледжа Ла-Рош-сюр Форон, где я учился в сороковых годах. Мы закончили день в единственном ресторане городка за знаменитым «*cocido maragato*», богатым блюдом, состоящим из турецкого гороха и семи разных сортов мяса в соусе.

Сельский галисийский пейзаж

Глава 17

Из Бьерзо в Галицию

*Виднеется Галиция
приближение к Сантьяго
ускоряет мои шаги*

Сразу после Рабаналь дель Камино, где мы провели ночь, мы возобновляем наши отношения с горами. Подъем дороги от шести до семи километров, привел нас к месту, которое я давно знал по книгам, *La Cruz de Ferro*, Железный Крест. Никаких сюрпризов, если хотите, я видел столько фотографий... но все-таки он остается высоким местом Камино; кульминационным моментом – по высоте, само собой разумеется – самое высокое место из всей дороги, Франции и Испании вместе взятых. 1500 метров, то есть несколько десятков метров выше уровня Ронсево. Высокое место, разумеется, по высоте, но особенно – по символике. Ничто лучше не выражает искания паломника, чем этот бедный крест, поставленный, как восклицательный знак, над холмиком из булыжников, каждый из которых является сконцентрированным образом бесчестных поступков того, кто его положил. Здесь миллионы булыжников, свидетельствующие о веках странствий. Я добавил свой на горку, – маленький булыжник, немного яйцеобразный, с белыми прожилками, который я подобрал в моем саду перед отправлением в путь.

«Маленький булыжник с белыми прожилками, я расстаюсь с тобой не без тоски по родине, но в надежде на освобождение. Сможешь ли ты продолжать с этого величественного места, выпитывать и вытеснять мои мерзкие поступки».

Немного дальше начинается длинный спуск к Молиназеку и Понферраду. Великолепный пейзаж из нагроможденных гор, золотая гряда которых поёт гимн осени под лучами солнца. Снова бесконечные горы, как в начале, в Альпах, как на Центральном Массиве, как в Пиренеях, как в Наварре; но вот вдалеке Себрейро. Прибытие в Молиназеку, красивый город с Римским мостом и тридцатью двумя барами: я устал, истощен. Силы мои пришли в упадок от этого ужасного спуска по дорогам, превратившимся в ручьи из-за мерзких дождей, которые шли эти последние дни. Мой упадок сил продлился весь вечер, даже в ресторане я чувствовал, насколько он силен. Я был немного напуган, так как впереди еще остаток дороги, и не самый простой. Лили, совсем молоденькая толстенная канадка, с круглыми глазами и взглядом совы, шла с нами от Ospital de Orbigu. Синдзи, японец, тоже, но он от Санагуна. Вместе, мы произвели расчет; этим вечером нам остается число этапов в одну цифру. На этот раз мы реально приближаемся.

Вторник 2 ноября. Жестокая буря ранним утром задержала наш выход в Вильяфранка-дель-Бьерсо на три четверти часа. Между тем, давление сильно повышается на часах-барометре Гастона. Что касается меня, этим утром силы мои средние. Я славно бежал рысцой до Понферрада целых 7 километров. Здесь, после вкусного кофе, мы садимся в такси, которое вывозит нас из города, с чем мы себя и поздравляем, так как этот проход чересчур длинный и неинтересный. Таким образом, наш этап будет сокращен на 20 с лишним километров, что лучше соотносится с общим самочувствием группы в целом, и с моим –

в частности. Между прочим, в отличие от других, меня никогда не вводят в заблуждение несколько лишних километров от пути в целом. И вот неожиданно и быстро, силы вернулись. Я прошел только часть кабельтовых, которые отделяли нас от Какабелос. «*Tortilla*», щедро сдобренная вином Bierzo, успешно подняла наше настроение, ставшее хорошим, по сравнению с утром. На выходе из ресторана, в то мгновение, когда небо было очень низким, мы испытали восторг; очень хорошая погода, голубое небо без облаков. Вот уже три недели, как такого не было. От этого равнина Бьерсо приобрела полное очарование. Золотые виноградники под осенним солнцем, и несколько гроздьев винограда, ускользнувших от сборщиков, пришлось очень кстати, усилив наше счастье.

Среда 3 ноября. Вильяфранка-дель-Бьерсо – О’Себрейро. 27 километров. Первые пятнадцать довольно ужасны, так как они растянулись по долине, рычащей движением и грандиозными работами по строительству автодороги. Потом дорога проходит по сельской местности, вырисовываются гребни горы, спуски окрашиваются лучистым солнечным светом. Дорога идет на подъем, сначала уклон медленно усиливается, потом, на последних четырех километрах, становится действительно крутым. Себрейро уже видно. Еще одно из этих чудесных мест, которые ставят вехи на дорогах; вершина определенно менее высокая, чем Железный Крест, но вершина значимая, так как разность уровней, по сравнению с точкой отправления, больше восьми сотен метров. Вот последняя вершина, вырисовывается крест церкви, потом звонница, потом село. Ветер свистит, метет и завывает на пустынных улицах. Солнце еще светит, но воздух ледяной. Гостиница огромная, но с местами скудно, потому что здесь всегда много народа. Все ходоки здесь встречаются, так как это

единственный приют для странников. Но здание отапливается, и горячая вода в душах течет в изобилии. Я разбит, утомлен; у меня начинается бронхит, что не мешает мне этим вечером организовать праздник с друзьями-паломниками в соседнем кафе. Жозе пришел смертельно уставшим. Он должен был пройти весь этап пешком, в противоположность предыдущим дням, когда он передвигался автостопом. Вдруг, перед прилавком, он рухнул всей массой. Его поднимают, он приходит в себя. Он стыдливо относит это на воспаление седалищного нерва, но мы паломники, все, кто с ним сталкивался, знаем, что речь идет совсем о другом: усталость, недостаточное питание, может быть, гипогликемия, или даже – сердечная болезнь.

Четверг 4 ноября. О'Себрейро – Триакастелья. В О'Себрейро меня ждало сообщение от Алана. Красивый короткий текст; о скорости и медлительности... конечно! Тема, которая захватила его, и меня тоже, и удерживала на протяжении почти всей дороги. Читая, я почувствовал легкое волнение, так как этот текст мне напомнил, кстати, что приключение близится к концу. А ведь медлительность, немало меня не смущая, стала для меня незаменимой помощницей, вопреки которой я все-таки скоро дойду до конца этого туристического путешествия. Так я потрогал руками все, что было относительно значимо и интересно. Я устроился в системе, где понятие скорости не имело никакого значения, и могло даже иметь негативное значение. В силу этого, скорость, свойственная моим шагам, не имела больше особого значения; та, которую я принял, была связана с той шкалой, которую я так хорошо приспособил, что это доставляло мне полное удовлетворение. А ведь я знал, что вскоре мне нужно будет вернуться к действительности, и снова приспособливаться к нормам, которые там одерживали верх. Осмелюсь ли я сказать, что это уже создавало мне проблему?

Это было, скорее, неудобное чувство, которое не переставало расти, чтобы достигнуть наивысшей точки в конце нашего похода, когда я выйду на площадь собора в Сантьяго.

Трикастелья, вечер; двое передвигаются с трудом: Филипп, который не может больше идти – болит колено, болит нога, и Лили, которая тоже больше не может идти. Завтра они будут передвигаться автостопом до Сарриа. Синдзи в хорошей форме. Он оказался совершенно очаровательным попутчиком. Его случай паломника-буддиста хорошо иллюстрирует всеобщность пути. Постоянно и надолго сталкиваясь с ним все эти последние дни, мне легко было за ним наблюдать, и я могу утверждать, что он прошел этот путь настоящим паломником. Без сомнения, памятники, церкви, религиозные церемонии не несли для него той смысловой нагрузки, какую мы им приписываем. Все это он наблюдал больше с любопытством, чем с благочестием, но, благодаря этому и повседневным событиям, ему будет нетрудно отыскать свой собственный путь.

Внимание и любовь, которые он проявлял к своим братьям-паломникам, были трогательными. Будучи наделенным некоторыми умениями в области мануальной терапии, он всегда был готов облегчить страдания того или другого из нас, полюбившимися массажами. Выйдя из Сен-Жан-Пье-де-Пор, он взял с собой, кроме своей неразлучной палки айкидо, которую он всегда держал горизонтально перед собой, большие квадратные бумажные листы для рисования, размером 50 сантиметров, свернутые в пластиковую непромокаемую трубу и прикрепленные к его рюкзаку. Каждый вечер в гостинице, едва приведя себя в порядок, вместо медитации, он садился за стол с очередным из своих листов, и писал свою мандалу (82). Это состояло в том, что он писал по-японски совсем маленькими знаками в два миллиметра высотой, следуя удивительно правильной и сжатой спирали, которая начиналась из

центральной точки и создавала в конце круг из записей, 42 сантиметра в диаметре, состоящий из 105 витков. За месяц своего паломничества, он создал две таких мандалы. Естественно, для нас это было удивительно; постепенно мы стали задавать ему вопросы о сущности этого произведения. Сначала, он нам признался, что именно его учитель айкидо рассказал ему о паломничестве в Компостель, и он почувствовал, что это могло бы ему помочь завершить его внутренний путь. И тогда он отправился в дорогу. Каждая из этих мандал, которые он написал, начинались с одной и той же фразы, повторявшейся до бесконечности. Соответствующая первой фразе мысль означала примерно следующее: «Я – частица бога». Следующая была: «каждый из моих человеческих братьев – частица бога». Эти откровения нас глубоко тронули, и никто не сомневался, что Синдзи принял не менее важное участие, чем мы, в духовной стороне этого приключения.

Триакастелья – Сарриа. 17 километров. Совсем маленький этап, который заменил нам день отдыха. Между тем, этот самый этап, как и последующие, до Кастанеды, примерно 100 километров, совсем не был отдыхом в давние времена. В самом деле, каждый паломник, который намеревался прибыть в Компостель, должен был остановиться в карьере, на выходе из Триакастельи, и взять с собой камень, который он нес в печь для обжига в Кастанеду, где производилась известь для строительства собора в Сантьяго. Церковь, которая всегда блюла материальную выгоду, так использовала людскую вереницу, чтобы доставить немного необходимых материалов, в которых она нуждалась, для прославления своих апостолов.

Вчера вечером, из разговора Гастона и Филиппа, Лили узнала, что я планирую написать книгу, и что я уже опубликовал

четыре произведения. Я сразу увидел, как осветилось ее лицо. Сначала она захотела узнать, что это за четыре книги, какие у них были сюжеты; потом, со своим очаровательным квебекским акцентом, она мне сказала: «Я все время чувствую огонь внутри себя. Но сейчас это сложно». Огонь, о котором она говорила, был огонь литературного творчества, а трудность была в выражении этого огня. Об этом я кое-что знал! Она смутно ощущала эту трудность, предчувствовала ее, но ей повезло, что вся жизнь была перед ней, чтобы попытаться ее преодолеть.

Суббота 6 ноября. Сарриа – Портемарин. Глубоко в Галиции. Шесть часов ходьбы, шесть часов дождя. Невозможная дорога, знаменитые «*corredoiras*», которые являются реками, замаскированными под дороги или дорогами, ставшими реками. Широкие камни, выложенные в подражание японскому шагу (83), якобы позволяют ходоку пройти по водному потоку не замочив ног. Но зачастую, некоторые камни уже исчезли. Тогда нужно проделывать невообразимые акробатические трюки, чтобы не рухнуть в воду или в грязь. Между тем, галльский пейзаж не лишен привлекательности. Бесчисленные вариации на тему родников, зеленых лужаек, окруженных изгородями вековых деревьев, каштанов, или другие сюжеты, удостоенные чести быть вставленными в текст повествования, якобы должны доставить удовольствие страннику. Другая повторяющаяся тема – деревни. Они малюсенькие и, в основном, очень грязные. Дворы ферм часто – клоаки; жители кажутся не веселыми, а сосредоточенными на самих себе. Этап трудный, суровый. Все-таки мы приходим в Портомарин с его искусственным озером, которое поглотило старую деревню, а новая, куда мы пришли, была построена на склоне озера. Главные здания, такие как церковь и ее своды были привезены и вновь построены, идентично – камень к

камню. Но, несмотря на эти похвальные усилия, деревне не удалось скрыть потрясения, и я там чувствовал себя не очень хорошо.

Воскресенье 7 ноября. Портомарин – Дворец дель Рей. 25 километров, добрая часть которых в тумане. Через 3 километра мы теряем Филиппа: он пытается снова тронуться в путь, но не может больше идти, и возвращается в Портомаран автостопом. Там он будет принимать меры. Этап оказался долгим и трудным. Высота непрерывно меняется, в основном, на повышение. Несколько раз мы на отметке высоты 680 метров, в то время как на выходе она была 350 метров. Зато две необычайно положительные детали: после того, как туман, сразу после полудня, рассеялся, погода очень хорошая и просто великолепная, чем серьезно отличается от вчерашней. Во Дворце дель Рей мы находим Филиппа, вид у него скорее мрачный. Завтра он поедет на автобусе до Сантьяго. Определенно, это лучшее, что он может сделать, так как идти он больше не может. У меня есть время, чтобы погреться на солнышке, сидя на скамейке, в центре площади, напротив гостиницы. Тепло, я чувствую себя хорошо, но ужасно устал. На этот раз гостиница отапливается; нам не придется провести ночь в холодной комнате.

Понедельник 8 ноября. Дворец дель Рей-Рибадизо. Сегодняшний этап долог для наших уставших тел. Солнце светит с утра, и это удача. Хватило бы у меня смелости выйти, если бы шел дождь? В то время, когда я диктую на магнитофон на пустой дороге, окруженной деревьями, покрытой опавшими листьями, и которая под ветками, местами, принимает форму идеально полого туннеля, я чувствую, как этой испанской осенью меня охватывает поэзия Камино. Вот очень старый

выгнутый мост в римском стиле, с четырьмя совершенно разными арками. Гениальность прошлых веков, когда удачно умели отвергать все грани асимметрии. После О'Себрейро, каждые 500 метров межевые столбы информируют нас о нашем местоположении, по отношению к Сантьяго. Они проходят колонной по краю дороги, эти столбы, медленным гипнотическим шествием. Они, кажется, со мной разговаривают, и мне говорят: «Иди, паломник, не унывай! *Ultreia!*». Тот, который я только что прошел, отметил 50 километров. Да, не унывай, так как этим утром до Сантьяго останется только два этапа по 20 километров каждый.

Вопреки некоторым комментариям, которые я слышал по этому поводу, пройти путь до Компостеля дело не простое. Я видел слишком много отказов, упадка духа, несчастных случаев, когда делали вывод о необходимости остановки. Я сам очень хорошо познал трудности некоторых дней, в частности, во время этих трех недель плохой погоды, чтобы распространять ложные мысли, которые стараются заставить думать, что все это только простая часть удовольствия. Счастье, да, радость, да; но также усталость, неудобство, сомнения... Очевидно одно: после долгих наблюдений за моими друзьями-паломниками, тех, кто дошел до конца, довольно мало относительно общего количества паломников, это те, кто хорошо подготовился к путешествию и вписывался в некоторые важные условия – хорошее здоровье, хорошая физическая подготовка, эффективная и легкая экипировка, достаточно времени и денег, и, сверх того, преодоление всех испытаний.

Есть много способов ходьбы. Идти в одиночку, одному: самая большая свобода, самая большая открытость, самое величественное ощущение пустоты. Одному на короткие дистанции: полу-одиночество, ложное одиночество, успокаивающая зависимость в виде отдыха. Менее 500 метров

расстояния – нет настоящего одиночества. Другие возможные формы: никого в зоне видимости, но присутствие известно... хороший компромисс. Бок о бок в молчании: несколько красивых опытов или два пузыря пустоты приходят в соприкосновение в полной независимости, но входят в резонанс в одном ритме, или иногда еще сливаются в один и тот же пузырь одного и того же ощущения пустоты. Идет непринужденная беседа: незаменимая, конечно, чтобы завязывать знакомства, сплетать дружеские связи; взаимопомощь или душа в душу, но также самая рассеивающая сосредоточение, невысока и по энергии; полезна при умеренном использовании, разрушительна в больших дозах. Идеальным, мне кажется, переходить от одного способа к другому, достаточно регулярно, не оставаясь в одном слишком долго.

В книге для почетных гостей, дата от 8 ноября 1999: «Лео, Гастону, Филиппу, Жаку, Лили, Синдзи, Жозиане и Клоду. Я шел два месяца и несколько лет рядом с вами. Звездами, о которых мне говорил Бог, были вы, мои друзья, вы, кто дали мне гораздо больше, чем я мог надеяться. Спасибо, звезды. Бог и любовь. Тьерри». В итоге, на этом этапе мы пошли до Арзуа.

Вторник 9 ноября. Арзуа – Арка. 19 километров. Вчера, придя в село, названия которого я не помню, Лили, Гастон и я, были перехвачены кюре, который читал свой требник на паперти церкви. Вскоре, мы установили, что он здесь был неслучайно, а, постоянно поднимая глаза над своей книгой, он наблюдал за прибытием паломников по дороге, которая была перед ним, чтобы лучше произвести осмотр в пределах видимости. Сначала он пригласил нас войти в свою ризницу, под предлогом поставить печати в наши дневники паломников. Красивая копилка, неслучайно здраво поставленная на столе

рядом с печатью, не могла не привлечь нашего внимания; и несколько песет, которые обычный паломник не мог туда не положить, под страхом прослыть хамом по сравнению с такой приветливостью. Потом он нас пригласил посетить его церковь, крошечную, но очень красивую с алтарем XVIII века из многоцветного дерева, который венчал сам святой Иаков, снабженный всеми аксессуарами паломника, находящийся под боком святого Роха и других святых, происхождения которых я уже не помню.

Среда 10 ноября. Арка – Сен-Жак-де-Компостель. 19 километров. День, который, по всей видимости, начинается как и все остальные. Но есть огонь, жар, пламя, радость, задор, а также немного страха в сердце паломника, который отправляется на последний этап пути. В полдень я буду в Сантьяго! На 12 километре – телефонный звонок: Роже, тот, который приезжал повидать меня в Пюи, Мишель, близкие друзья и Кристиана поздравляют меня с праздником. Мой подвиг удался, не желая этого, и не предвидя это, я пришел в Сен-Жак в день моего праздника, День святого Леона. Правда раньше, в день моей молодости, этот праздник был 11 апреля, эту дату я запомнил раз и навсегда, и естественно, праздновал каждый год. Но однажды, уже давно, календарь поменяли, и святой Леон закреплен за 10 ноября. Правда, для меня эта дата в моей памяти так никогда и не заменила предыдущую; вот почему, уже давно, я не придавал большого значения празднику моего святого покровителя; тем более что мое имя давно уже потеряло свою «н» на языке у всех, за исключением нескольких упрямых членов моей семьи. Так как мое имя при крещении было все-таки Леон, о чем мне еще раз напомнил сегодня этот телефонный звонок. Нужно ли приписать эту дополнительную проделку святому Иакову? Был ли скрытый смысл в этом

совпадении? Должен ли я отнести это к обаянию имени, которым наделил меня мой дядюшка-епископ, имени, которое он сам носил, и на могилу которого я, в соборе Байонна, пообещал себе пойти, после моего возвращения. Эта мысль показалась мне настолько не банальной, что я пообещал себе внимательно поразмышлять над ней.

Исходя из этого, мы реально приближались к концу, и самолеты из аэропорта Сантьяго а Лаваколья, с шумом пролетали у нас над головами. У этого места в Средние века не было ничего воздушного. Оно было скорее водянистым, если я могу так сказать, так как, прежде чем предстать перед великим святым Иаковом, у паломника был обычай для очищения полностью помыться в ручье, который здесь протекал. Название местности ясно давало понять, что здесь нужно было уделить особое внимание интимным частям тела: «помой мужские яички» в прямом смысле этого слова. Эта традиция почти не соблюдается сегодня, но между тем, не забыта; современному паломнику она дает знаменитый повод для взрыва смеха. Она составляет часть этих анекдотов, старых как сам путь.

По этому поводу я опять думаю о тех петухе и курице из Сан Доминго де ла Кальсада. Восемь или девять столетий, этих двух птиц постоянно держат в соборе. Изображение этой истории выгравировано на камне в церквах и соборах Европы. Как допустить, что на самом деле ничего не произошло? Что, эта история, которая так долго бежит по дороге, не больше, чем легенда? С другой стороны, как поверить в подобную историю: вареные петух и курица, которые ожили на блюде у судьи? Повешенный несколько недель назад, так и не умер? Как поверить и как не верить?

А вот и Монте-дель-Госо, гора радости, Монжуа. Вдалеке башни собора Сен-Жак-де-Компостель. Я почти пришел; мое

сердце бьется в груди... Невыразимая красота: есть, я добился успеха! Я красиво и хорошо изобразил эту прерывистую линию двумя миллионами пятьюстами тысячами шагов от моего дома до Компостеля! 1900 километров моей Одиссеи сразу преобразились. Он сияет во всей красе, мой путь. Даже его временные безобразия, его трудности, его неприятности, стали казаться чистой красотой. И этот вопрос приходит мне на ум: безобразное, о котором я столько говорил, существует ли оно действительно? Не достаточно ли его преодолеть, чтобы его тоже сделать красивым? Не старается ли оно просто задеть мои чувства с единственной целью заставить меня реагировать, и, таким образом, продвигаться вперед? Например, мой «храпун с дерзким языком» из Логроно, не находился ли он рядом со мной, только для того, чтобы исполнить эту роль? Вот кто заставил меня думать о «Темной Ночи», дорогой для святого Иакова Крестного, об этом мраке, который достаточно доверчиво пройти, даже с любовью к нему, чтобы прийти к свету. Хорошо, что множество мифов нам это подсказывают. Одиссей, Геракл, Тезей, Орфей учат тому же. Мне не нужно очень далеко искать пример, призванный проиллюстрировать мое предположение; мне достаточно было обратить внимание на мою сегодняшнюю огромную радость, которая была с примесью горечи, потому что я уже страдал при мысли о том, что прекрасное приключение приближалось к своему концу; радость оставалась нерушимой, несмотря ни на что. Воспоминание об этой «проклятой двери» гостиницы в Ле Пюи, которую смог открыть только наш с Гастоном смех, было доказательством этих здоровых и забавных наблюдений.

Снова, все больше и больше, я чувствую себя братом Эмери Пико, Жана де Турне, – моих попутчиков и миллионов других, которые познали до меня радость прикосновения к этому мистическому месту.

Долго я иду по улицам, по предместьям... С перерывами, я снова вижу шпили колокольни собора, и потом вдруг – вот я здесь! Я на площади! Я очарован, раздавлен, ошеломлен красотой, величием и духом этого места. Я бесконечно брожу от одного портала к другому, прежде чем совершить ритуальные движения каждого паломника, когда он приходит в Компостель. В первую очередь, коснуться Портика Славы, поместить свои пять пальцев в отметины пяти пальцев миллионов паломников, которые тоже приложили свои руки к этому месту до такой степени, что оставили отпечаток в глубине камня этого простенка между окнами, над которым господствует великолепный святой Иаков, который мило улыбается. Затем пойти в хоры, в церкви позади главного алтаря и обнять статую святого Иакова, которая стоит в центре запрестольного украшения.

Но сейчас я не могу совершить этот второй знак благочестия. Когда я вхожу в собор, уже без двадцати минут час; окончание торжественной полуденной мессы. В алтаре стоит епископ с митрой, жезлом, в церковном облачении; когорта каноников в красных одеждах и с белыми стихарями, прерывая всех, грохочет орган, толпа поет, побуждаемая каноником, сидящим за кафедрой, и «*botafumeiro*», эта огромная кафельница, приводимая в движение толстой веревкой в руках восьми одержимых в монашеских одеяниях, которые мечутся, как черти перед алтарем, раскачивается от одного конца поперечного нефа, к другому, выделяя ароматное облако дыма ладана. Говорят, что этот очень древний обычай имел целью бороться с запахом; вы знаете... этот знаменитый запах святости, паломника. Однако, скажете вы мне, он же только что проходил через Лаваколлу? Но, поди, знай...

Во время моего пребывания в Компостеле я буду часто возвращаться в этот собор. Охотнее всего, я буду приходить

довольно рано утром или поздно днем, избегая большого движения толпы. Однажды вечером, я сидел в полутени на скамье, напротив алтаря, и в то время как я погрузился в чуткий сон, я вспомнил фантастическую сцену, которую я пережил перед моим отправлением в путь. Старик все еще был здесь, сидя на том же самом месте, на выходе с моста. Снова он меня окликнул с тем же вопросом: «*Quo Vadis?*». Единственной вещью, которая отличала это видение от первого, было световое кольцо вдали, там, где терялась дорога.

«*Quo Vadis?*». В первый раз я ответил на этот вопрос: «Я иду в Компостель» – был ответ и, с тех пор, я выполнил обещание. Но теперь я понимал, что этот вопрос был вечным. И он будет задаваться бесконечно, сколько я буду жить. «Я иду к Вечности» – был отныне ответ. И я решил никогда не терять из виду это последнее место назначения.

Вот все и свершилось. Гастон и я, каждый снял по комнате в маленькой гостинице, в сотне метров от собора. Там мы положили – с каким удовольствием – наши рюкзаки и посохи; удовольствием до такой степени, что мы покинем Сантьяго так ни разу и не сделав фотографий, которые мы пообещали сделать друг для друга на ступеньках собора, еще полностью запруженные паломниками. Мы поручили заполнить наши «Компостела», дипломы на латинском языке, которые вправду удостоверяют наш статус паломника Компостеля.

Они все здесь, все наши друзья великого пути; все, нет! Некоторые шли так быстро, что, прибыв задолго до нас, одни уже уехали, другие, наоборот, еще далеко позади, и многие, по разным причинам, остановились по дороге. Я замечаю, что из двадцати паломников, которые присутствовали на благословении в соборе дю Пюи 2 сентября, только мы двое смогли дойти до Сантьяго: Жак и я. Нужно ли говорить, что

только когда речь идет о пропорции десять из ста, это и будет правилом. Я этого не знаю, но это огромная радость принадлежать к этим десяти!

Город кишит людьми. Фольклорные группы танцуют и проходят под звуки оркестров и фанфар по площади вокруг собора. Только что пришедшие паломники, еще снаряженные и ошалевшие от долгого пути, бродят, спотыкаясь по улочкам. Переодетые туристы, прибывшие на автобусах, играют в паломников, размахивая огромными посохами. Он веселый и богатый, этот город Компостель, со своими средневековыми улочками, сверкающими ярко освещенными витринами магазинов, где тысячи жаккарских сувениров из бумаги, из дерева, из пластика, из ракушек, из слоновой кости, из золота и драгоценных камней, предлагают растерянным паломникам; контраст с убожеством их пути. Продавцы хлама здесь веками, и их дело также процветает. Сам город изобилует сокровищами. Вот уже тысяча лет, как миллионы паломников со всей Европы приносят ему часть своих сбережений. И это видно, чувствуется, куда ни кинь взгляд.

К счастью, мы встречаем друзей на улицах, в барах, в ресторанах: Филипп, Жак, Лили, Клод, Жозиана, Бенуа, с которыми я расстался в Конке, как раз два месяца тому назад, Тъери, которому мы с Гастоном не переставали помогать до того, как он пришел сюда. Мы едем в Финистер на автобусе, туда, где паломники прежних времен шли на пляж сжигать свою старую одежду, чтобы поменять ее на новую: хороший символ преображения, превращения в нового человека. В этих местах я остался еще на несколько дней; для меня это будет целая неделя, для Гастона немного меньше.

А потом я возвращаюсь на самолете: Сантьяго-Женева, через Мадрид. Два часа лета против восьмидесяти восьми дней пути. В этом противопоставлении есть что-то несообразное, неприличное, почти оскорбительное; тем более, что за иллюминатором я замечаю линию ветряных двигателей Сьерра дель Пердон, где я проходил несколькими неделями раньше.

Содержание

Предисловие Александра Фофина - ФранСиб	7
Слово Алин Фабрес - АльпСибери	11
От имени автора: приглашение к паломничеству в Компостель	13
I – В начале	17
Глава 1 – Я пойду в Компостель	19
Мое решение, обстоятельства – Размышления о том, как идти, моя осведомленность по данному вопросу – почему Компостель? – Душевное состояние – Возможно книга...	
Глава 2 – Приготовление	29
В поисках информации – <i>Quo Vadis?</i> – Выбор материалов – 130 вещей в сумке – Идти налегке – Физическая подготовка – Умственная подготовка – Совпадения	
Глава 3 – Отправление – Первые этапы	49
Накануне сражения – Первый этап, Вальер – Второй этап, Серьер-ан-Шотань дорога Трех Мулов, под дождем – Генри, мой сопровождающий – Шаназ, первый день в одиночестве – крещение по дороге в Женеву – Ле Пюи: <i>Via Gebennensis</i> – Встреченный Гастон – От Шаназа до Йенн, Ля Шотань – Часовня Сен-Роман – Ее Величество Рона	
II – Ля Виа Гебенненсис: По дороге к Ле-Пюи-ан- Веле	67
Глава 4 – Красота и Одиночество	69
Дороги Компостель – Вездесущая красота – Двадцать километров асфальта до Сен-Жени-сюр-Гьер – Достоинства одиночества – Я прошел 100 километров – Достоинства сотового телефона – Искусство видеть	

Глава 5 – Указатели на дорогах – Глава, где снова встречаю Анри 79

Анри – мастер указателей – Компостельский логотип: маленький шедевр – Размышления о посмертной славе

Глава 6 – Встречи 87

Буколическая поэзия – Длинный монолог Франсуа – Послания в книге отзывов

Глава 7 – Получается... 99

Легкий завтрак на берегу реки с Гастоном – Компостельские ракушки замка Брессон – Благословленный вечер в Сен-Ромен-де-Сюрье – Мост Шаване, последняя встреча с Роной – 36° на асфальте в Пила – Разговор по телефону с Кристиан: почему Компостель? – Достоинства свободы мысли – Подъем к Сету – Счастье дороги – Я встречаю Франсуа, идиллия принимает неожиданный оборот

Глава 8 – Скоро Ле Пюи 109

Выходной день у Мишеля и Элиан в Ардеше – Первое расставание с Гастоном – Преображение Гастона началось – Наслаждение от хорошего приема в Ардеше – Я возобновляю двухдневный путь – Я пришел в Пюи – Вновь встреченный Гастон – Вино из Вербены Веле радует сердца двух паломников, которые вновь встретились

III – Ля Виа Подьенсис: Ле-Пюи-ан-Веле – Пуенте ла Рейна 115

Глава 9 – Запах удовольствия 117

Воздух победы: я добрался до Пюи, 350 км пути – статуя Богородицы, собор – настоящее паломничество начинается: *la Via Podiensis* – Немного истории – Жак, брат Жана и сын Зебеде – Какое счастье! В маленькой часовне Монбонне – Гастон идет на один день раньше впереди меня – Встреча с австрийкой Биргит – Сен-Прива- д'Алье, Сог, Ла Рош – Я звоню Гастону: серьезные проблемы с мухами в Омон-Обрак – Правильный выбор жизни

- Глава 10 – Колдовство Обрака** 139
 Философская четверть часа по пути с Биргит – Обрак и его колдовство – История Обрака, рассказанная аббатом Дельтур в 1892 – История господина Адалара – *Errantes revoca* – Есть паломничество и паломничество
- Глава 11 – Улыбки Ло** 151
 Перед Эспальоном церковь в Персе – Романское Искусство и готическое искусство – После Эспальона церковь Бессюэжюль – Эстен, Голинак, Конке – сокровища Конке – Выходной день в Конке – Биргит меня оставляет – Суровый подъем от моста над Дурду – колокол Сент-Фуа – Железный закон дороги – Встреча с Тьерри – Обед под дольменом – Ошибка по дороге из Кажарка – Все еще в Косе – Каор и его мост Валантре – Боль в ноге
- Глава 12 – Муассак и другие чудеса** 171
 Монастырь Муассака – Созерцание портала – Маленькое стихотворение, написанное по дороге: «На пути к Сантьяго» – Большой глоток арманьяка 1939 года – Маленькие удовольствия паломника – Почетный гражданин города Овийар – Необыкновенная коллегиальная церковь в Ла-Ромье – Звонок Биргит из Вены – Встреча с двумя моими сестрами в Кондоме
- Глава 13 – Видны Пиренеи** 183
 Маленькая скульптура в виде ракушки из воска сыра Babybel – Друзья-попутчики: Пат, Жак, Тьерри – Гастон – далеко впереди – Возвращение к эмоциональным вспышкам как в Пюи и Конке, в Муассаке – как Ахиллес, «неподвижный, на больших ногах» – Скоро половина пути – искусство отказа от дальнейших попыток – Тьерри в сильном волнении, мы ему помогаем
- Глава 14 – На полпути** 193
 На вывеске: «Сантьяго 924 км»; ровно половина моего пути – День безделья в Арзак-Аразиге – Встреча с Мари Лин, жительницей Квебека, Стефаном, безумным ходоком из Цюриха и Аланом, писателем – Ночь у кюре Наваррена – По

следам моего дяди, Монсеньора Террье, прежнего епископа Байоны – Остоба в Стране басков – Я постоянно встречаю по дороге Пат – В Сен-Жан-Пье-де-Пор я через пять недель встречаю Гастона – Подъем Ронсево – живописный прием мэра Ларрасоаньи – Пампелюн – Ветряные двигатели и большая скульптура Сьерры дель Пердон

IV – Ле Камино Франсе: Пуэнте ля Рейна – Сантьяго де 223 Компостела

Глава15 – Из Наварры в Риоха 225

Воспоминания об испанском языке – Стакан красного вина в Ираш – *Dose cascabeles*, старый испанский надоедливый припев для чокнутого дуэта – Грубый храпун – Вот уже два месяца, как я иду – Размышления о трех дорогах: *Camino Francés, Via Podiensis, Via Gebennensi* – Снятый повешенный – Мелодия гармоника в Гранон – "Suerte" или "Удача" – Беспокойная ночь в Белорадо – Сен-Хуан де ортега – Гастон болен, болен – Две ночи в Бурго

Глава 16 – В Кастилии, бесконечно... 245

Строгое плоскогорье Мезета – 38 км за день, Мансилия де лас Мулас – Прибытие в Леон – Божественный свет в соборе – Две ночи в гостинице Сен Маркос – Безумный Рыцарь Госпиталя Орбиго – Рабаналь дель Камино

Глава 17 – Из Бьерзо в Галицию 255

Железный крест и маленький камень – Буря в Молиназек – подъем Себрейро – Известковый камень из Триакастельи – Город Портомарин, поглощенный озером – Межевые столбы каждые 500 метров – Различные способы ходьбы – Я прибываю на место в день моего ангела – Лаваколла, обычай абсолютного очищения – Наконец, Компостель – Портик Славы – Торжественная месса в соборе – Обнять святого Иакова, празднуя победу – Встречаем друзей-попутчиков – Визит в Финистер

V – А что потом?	273
Глава 18 – Возвращение к привычной жизни	275
Взмах крыла до Женева – Письмо Жана и мой ответ – <i>Homo Compostellus</i> – Собрание паломников недалеко от Сент-Этьенна через четыре месяца – Признание болтушкам – Манола удачно нашла мои маленькие ракушки из красного воска – Дорога, продолжается внутри нас...	
VI – Путеводитель паломника	285
Примечания	293
Благодарности	305

© Lepère Éditions 2002

© Éditions de l'Astronome 2009
Tous droits de traduction, de reproduction et d'adaptation
strictement réservés pour tous pays.

© Éditions de l'Astronome 2015
pour l'édition en russe (diffusion en Russie exclusivement)
для издания на русском языке (распространение исключительно в России)

ISBN 978-2-916147-93-2
ISSN 1959-3821

Dépôt légal mars 2015
Легальное предоставление экземпляра Март 2015

Achevé d'imprimer en mars 2015
Подписано в печать Март 2015
Отпечатано
в Март 2015
в ООО «Репроцентр А1»
664009, г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2
Тел. 540-940
от имени издательства

от имени издательства
Éditions de l'Astronome
F - 74200 Thonon les Bains
www.editions-astronome.com
и автора Лео Гантеле